

М.Б. Колотков

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРОМ В РОССИИ В 1905 г.

Статья посвящена исследованию правовых основ противодействия террору в России в 1905 г. Уделено внимание процедуре изменения террористической идеологии в стране, а также организационному оформлению анархизма. Отмечается, что в 1905 г. в рамках перехода от теоретических размышлений о терроре к активным действиям в российском обществе произошёл процесс десакрализации власти. Анализируется последовательное усиление государственной реакции на террористические проявления.

Ключевые слова: террор; терроризм; общественный порядок; идеология терроризма; революционная деятельность; анархизм.

К началу 1905 г. террористическая идеология по сравнению с периодом 70-х – 80-х гг. XIX в. существенно видоизменилась. Идеи вынужденности и целесообразности применения террора отошли на второй план. На революционной арене появились лица, не задумавшиеся о морально-нравственной составляющей террористической идеологии. Чувство самопожертвования и идеи социальной справедливости, которыми ранее в обязательном порядке должен был быть наделен любой революционер, в короткие сроки были забыты. Произошло нормирование насилия и жестокости, а ответственность перестала носить персонализированный характер. Любое насильственное действие объяснялось революционными нуждами. Даже партийная принадлежность революционера становилась вторичной: многие террористы без труда переходили из одной партии в другую, не задумываясь о содержании ее политической программы [1. С. 19]. Революционно-террористическая идея в России становилась массовым явлением. К этому времени практически все революционные структуры в совокупности с другими способами борьбы не только не осуждали, но и применяли на практике террористические методы. Идеи массового террора в этот период охватили практически все революционные партии, причем в их число входили не только анархисты, представители партии социалистов-революционеров, но и социал-демократы. Так, во второй половине 1905 г. В.И. Ленин высказывал негодование тем фактом, что партия длительное время лишь обсуждала необходимость применения террора, однако не использовала его на практике: созданная в феврале 1905 г. Боевая техническая группа при Центральном комитете Российской социал-демократической рабочей партии более чем за полгода своего существования никак себя не проявила и даже «не сделала ни одной бомбы» [2. С. 336–338]. В дальнейшем Боевая техническая группа стала более активной: именно большевики изготовили бомбы, при помощи которых 12 августа 1906 г. М.И. Соколов (член «Союза социалистов-революционеров максималистов») совершил неудачное покушение на П.А. Столыпина на его даче [3. С. 118]. Данный факт свидетельствует в большей мере не об идейных разногласиях, а о простой межпартийной конкуренции, связанной с желанием революционеров приобрести авторитет в народе и тем самым получить поддержку общественных масс.

В начале XX в. на территории России произошло организационное оформление самостоятельного революционно-террористического движения – анархизма. Появившись в 1870-х гг. в народнической среде (например, идеи М.А. Бакунина) в качестве особого взгляда на революционную борьбу, анархистская идея постепенно приобрела сторонников не только в России, но и во многих других странах. Изначально анархистский террор качественно отличался от террора политического, поскольку в его основе лежали совершенно иные начала. Основой идеологии анархизма являлась пропаганда действием, которая, по мнению З. Ивиански, была впервые провозглашена в качестве партийного лозунга 3 декабря 1876 г. представителями Итальянской федерации анархистского Интернационала [4. С. 45]. Впоследствии развитием этой ключевой идеи занялись такие видные представители анархистского течения, как П. Брусс и П.А. Кропоткин. Так, в августе 1877 г. П. Брусс при непосредственной поддержке П.А. Кропоткина опубликовал статью «Пропаганда действием», в которой отразил достоинства террористического акта в сравнении с агитацией в печати. По его мнению, пропаганда путем печати и распространения революционных программ неэффективна, поскольку большая часть рабочего класса и крестьян, т.е. тех социальных слоев, на которых направлена пропаганда, являлись неграмотными. Террористический акт, даже безуспешный, напротив, достигнет масс и несущей в себе идеей затронет массы, заставит их думать [5. С. 4–5].

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких лет усмотрения анархистов относительно применения террора носили исключительно общетеоретический характер и никак не подкреплялись на практике. Лишь в середине 1881 г. во время конгресса анархистов в Лондоне было принято решение о необходимости перехода от идеи к действию [6. С. 42]. С этого времени во многих зарубежных странах практика применения анархистского террора стала набирать обороты, став наиболее масштабной к концу XX в. Анархистами были проведены многие успешные теракты во Франции, Испании, Италии, США и других странах, в том числе и убийства глав государств. Опыт зарубежных, прежде всего французских, представителей анархистского течения впоследствии был положен в основу функционирования российских анархистских групп.

Реальное становление российского анархистского движения произошло за рубежом в среде русской эмиграции в 1900–1903 гг. В России появление первых независимых анархистских групп впервые можно зарегистрировать в 1903 г.: одними из первых появились «Группа русских анархистов-коммунистов за границей» во главе с М.Э. Дайновым и «Хлеб и воля» под руководством Г.И. Гогелии [7. С. 32]. Следует отметить, что именно Г.И. Гогелия являлся автором одного из первых трудов, посвященных идейному обоснованию анархистского террора начала XX в. в России: в декабре 1903 г. в журнале «Хлеб и воля» он опубликовал статью «К характеристике нашей тактики. Террор» [1. С. 341–358]. Не отказываясь от индивидуального террора, лидер «Хлеба и воли» большее предпочтение отдавал фабричному, аграрному и массовому террору, поскольку полагал, что нападения рабочих и крестьян на местную власть, захват фабрик и убийство их владельцев, уничтожение имущества помещиков и т.п. имели решающее значение в борьбе с самодержавной властью нежели убийство отдельных чиновников. Кроме того, Г.И. Гогелия считал, что именно аграрный террор, выраженный в крестьянских волнениях, способствовал отмене крепостного права в России. Также большую роль в становлении анархизма в России сыграл П.А. Кропоткин, который не только теоретически обосновал анархистскую идею, но и принял непосредственное участие в ее пропаганде. Парадоксально, но отношение одного из главных идеологов анархизма к террористическим методам борьбы однозначно определить довольно сложно: с одной стороны, П.А. Кропоткин не посвятил ни одной из своих многочисленных работ проблеме терроризма, с другой – никогда не отрицал террор и даже выступал в защиту террористических методов борьбы [8, 9].

П.А. Кропоткин, равно как и другие лидеры анархистского течения в России, особенно в период 1905–1907 гг., весьма специфически относился к проблеме ответственности за совершенные террористические акты. Так, в октябре 1906 г. в одной из статей Листка «Хлеба и воли» анархисты отмечали, что теракт для них представлял собой самостоятельное решение конкретной личности или малой группы, в связи с чем централизованный террор «противен нашим понятиям»; не считая необходимым «удерживать товарищей от революционных актов во имя партийной дисциплины ... мы не считаем возможным и приглашать их отдать свою жизнь в деле, которое решено и предпринято не ими» [10. С. 7–8]. Анархисты оправдывали применение террора лишь тогда, когда он являлся ответом на насильственные действия власти. Так, П.А. Кропоткин видел «нравственные начала анархизма» в том, что право на убийство террорист приобретает вследствие «ненависти к тирании, ненависти, доходящей до самоотвержения и смерти» [11. С. 303].

Уже в период 1905–1907 гг. анархистское движение в России раскололось на несколько различных течений: индивидуалисты, коммунисты, синдикалисты, «безначальцы», общинники, чернознаменцы и др. [12. С. 243–262]. В целом признавая эффективными и необходимыми террористические методы, равно

как и учитывая основополагающий идеологический принцип пропаганды действием, анархистские течения отличались друг от друга лишь избранной тактикой ведения борьбы, в которой террору отводилось в каждом из течений свое место.

В рамках перехода от теоретических размышлений о терроре к активным действиям – реализации нескольких террористических актов, в том числе убийства Александра II, – в российском обществе произошел процесс десакрализации власти. Убийство великого князя Сергея Александровича привело к окончательному развенчиванию состояния «божественности» царской особы и авторитета монархической власти в целом. При этом эффективность и эффектность террора постепенно меняли сознание российского общества. Насилие становилось едва ли не главным средством борьбы в революционной политике. Следует согласиться с мнением В.Л. Бурцева, что «террористическая борьба идейно воспитывала русское общество» [13. Л. 13]. С другой стороны, российское общество постепенно привыкало к насилию как к совершенно естественному способу противостояния монархической власти.

События 9 января 1905 г. способствовали принятию российским правительством специальных организационно-правовых мер, направленных на охрану общественного порядка в Санкт-Петербурге. Прежде всего, в российской столице была образована должность генерал-губернатора, которую занял Д.Ф. Трепов [14. С. 24]. Столичный генерал-губернатор получил беспрецедентно широкие полномочия: помимо прямого подчинения губернатора, градоначальника и жандармских органов ему в сфере охраны государственного порядка и общественного спокойствия подчинялись все гражданские управления, учебные заведения, фабрики, заводы и мастерские. Генерал-губернатор также наделялся правом объявления лицам запрета на пребывание в Санкт-Петербурге, правом вызова войсковых частей для действия гражданским властям и др. Примечательно, что юрисдикция новой должности распространялась как на столицу, так и на Санкт-Петербургскую губернию; отдельным указом генерал-губернатору были подчинены полиция и учреждения Министерства императорского двора, расположенные в Гатчине, Павловске, Петергофе и Царском Селе [Там же. С. 28]. 24 января 1905 г. отдельным указом была учреждена канцелярия при генерал-губернаторе, которая состояла из 23 служащих; разрешалось также иметь не более 10 чиновников особых поручений [Там же. С. 63]. Деятельность санкт-петербургского генерал-губернатора была недолгой: в конце 1905 г. сразу после назначения на пост министра внутренних дел П.Н. Дурновó соответствующим указом эта должность была упразднена.

Именно после событий 9 января 1905 г. все существовавшие в тот период террористические группы существенно активизировали свою деятельность. Практически сразу приобрела большое значение проблема перехода революционных групп от индивидуального к массовому террору. Ранее, до 1905 г., порядок определения жертвы террористического акта был

вполне понятен. Революционеры в качестве очередного объекта террора выбирали должностное лицо с учетом двух главных параметров: с одной стороны, чиновник должен входить в число реакционных, а именно быть в той или иной степени задействованным в антиреволюционной деятельности государства, с другой – террористический акт должен формировать общественное мнение, способствовавшее укреплению позиции революционной партии в народе. По оценке М. Перри, жертвы террористических актов периода 1902–1904 гг. были исключительно хорошо подобраны революционерами, поскольку являлись не чем иным, как символом государственной реакции [15. С. 69].

Начиная с января 1905 г. число террористических актов увеличилось более чем в десять раз, а сам террор стал носить несистемный и децентрализованный характер. Так, в 1905–1907 гг. число терактов, совершенных только лишь Боевой организацией партии социалистов-революционеров, возросло в несколько раз по сравнению с предыдущими годами. Например, 4 февраля 1905 г., т.е. менее чем через месяц после трагических январских событий, член Боевой организации Партии социалистов-революционеров И.П. Каляев совершил удачный террористический акт в отношении московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича [14. С. 91–92]. В ответ на это убийство 18 февраля 1905 г. Высочайшим указом был принят Манифест, в котором отмечалась необходимость усиления бдительности властей всех видов и уровней «по охране закона, порядка и безопасности», а обычные граждане призывались к содействию правительству в борьбе с «распространением крамолы и беспорядков, а также в «разумном противодействии смуте внутренней» [Там же. С. 132–133]. Увеличилось число сопутствующих преступлений: в рамках поиска денежных средств на нужды террора только в период с января 1905 г. по июль 1906 г. в стране было совершено почти 2 000 ограблений [16. С. 19]. При этом процесс выбора очередного объекта для террористического акта уже фактически не контролировался Центральным комитетом партии: ввиду массовости террора такие решения принимались местными комитетами и отрядами без согласования с руководством партии. Теперь террористы в качестве объекта террора стали выбирать не только высших должностных лиц, но и местных чиновников.

Стремительный рост террористической деятельности не мог не оказать влияния на формирование общественного мнения, политической и правовой культуры в России. Успех терроризма отчасти был обусловлен его особым (не всегда отрицательным) восприятием в обществе, а проблема применения террора была одной из наиболее обсуждаемых в печати. По этой причине 18 февраля 1905 г. был принят Именной высочайший указ Правительствующему сенату, который обязал Сенат рассматривать обращения, поступавшие от частных лиц и учреждений, которые затрагивали вопросы «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [17. С. 22]. В результате в прави-

тельство стали поступать многочисленные письма, предложения, прошения и обращения, многие из которых были посвящены проблеме противодействия террористической угрозе. Например, в конце 1905 г. в одном из писем, адресованном С.Ю. Витте, отмечалось, что мирное российское общество «совершенно терроризировано», а простые люди «не смеют пикнуть против обаявшего их террора, хотя несколько не сочувствуют революции» [18. Л. 73]. Этот факт свидетельствовал о том, что российское общество преимущественно осуждающе относилось к террору.

В таких сложнейших условиях органы политического сыска продолжали проводить планомерную работу по пресечению террористической деятельности революционных групп в России. Так, 9 февраля 1905 г. директору Департамента полиции было направлено представление начальника Виленского охранного отделения № 158 «О террористических планах членов “Бунда”». Согласно этому документу сотрудники охранного отделения смогли заблаговременно получить сведения о том, что Центральный комитет организации «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), основанный в Вильно в 1897 г., принял решение «приступить к устройству вооруженных демонстраций, причем против вызываемых для восстановления порядка войск следует действовать ручными разрывными бомбами малого размера» [19. Л. 3]. Кроме того, было установлено, что члены «Бунда» имели возможность изготавливать бомбы силами небольшой террористической ячейки этой организации в г. Минске, о чем незамедлительно было оповещено Минское губернское жандармское управление. Однако в силу низкого качества проведенных жандармами оперативно-розыскных мероприятий розыск членов минской группы «Бунда» не был организован, что сделало труд Виленского охранного отделения напрасным. Соответствующая записка о проблемах работы Минского жандармского управления от 5 апреля 1905 г. была направлена в Особый отдел Департамента полиции [20. Л. 13]. Примечательно, что впоследствии, а именно 16 сентября 1905 г., начальник Виленского охранного отделения в представлении № 962 директору Департамента полиции «О формировании социал-демократической террористической организации» отметил, что для «выполнения одиночных и общих террористических актов» организации «Бунд» и «Искра» планировали сформировать общую боевую дружину с названием «Протестующие» [21. Л. 24]. Таким образом, факты некачественной работы отдельных органов правопорядка, занимавшихся борьбой с террором в России, имелись.

19 марта 1905 г. Департаментом полиции на имя товарища министра внутренних дел было подготовлено ходатайство о выдаче денежной награды филерам, принимавшим участие в наблюдении за членами Центрального комитета партии социалистов-революционеров и Боевой организации этой партии [22. Л. 33]. Как филеры Летучего отряда, так и филеры охранных отделений продолжали сохранять высокий уровень своей работы, добиваясь высоких результатов в деле борьбы с террором. В результате успешно проведенное филерами мероприятие по задержанию

революционеров-террористов нанесло непоправимый урон партии, которая впоследствии так и не смогла полностью восстановить свой потенциал.

23 марта 1905 г. начальнику Санкт-Петербургского губернского жандармского управления Петербургским охранным отделением было направлено секретное представление № 5313 «О ликвидации Боевой организации Партии социалистов-революционеров», согласно которому члены данной террористической группы были арестованы на стадии подготовки покушений на жизнь столичного генерал-губернатора Д.Ф. Трепова и министра внутренних дел А.Г. Булыгина [23. Л. 38–40]. Однако уже 12 апреля 1905 г. в совершенно секретном представлении столичного генерал-губернатора № 392 товарищу министра внутренних дел и командиру Корпуса жандармов К.Н. Рыздзевскому отмечалось, что Центральный комитет социалистов-революционеров принял решение организовать на Юге России новую боевую группу, при этом «в целях большей конспирации, признано нежелательным принимать в состав группы рабочих, евреев и поляков» [24. Л. 53–54]. Столичному охранному отделению не только удалось заблаговременно получить сведения о планах террористов, но и организовать наблюдение в г. Киеве и г. Одессе за лицами, в обязанности которых входила организация этой группы.

К середине 1905 г. российские органы политического сыска в своей работе столкнулись с новой проблемой – бурным развитием антиправительственной деятельности, выраженной в появлении большого числа революционных ячеек и политических партий, функционировавших независимо друг от друга в соответствии с личной программой. Сложившаяся ситуация привела к невозможности организации в стране системной и эффективной борьбы с террором, поскольку Департамент полиции не располагал обобщенными сведениями о ситуации в российском революционном движении. Причиной тому являлся тот факт, что местные органы сыска не пытались систематизировать и обобщить сведения о революционной обстановке на вверенных им территориях, а довольствовались исключительно разрешением отдельных случаев проявления революционной и террористической активности. В этой связи 24 августа 1905 г. Департаментом полиции был подготовлен и разослан всем руководителям охранных отделений и розыскных пунктов, а также губернских и областных жандармских управлений секретный Циркуляр № 10950 «О регулярном предоставлении Особому отделу отчетов о деятельности революционных партий», согласно которому руководители на местах были обязаны два раза в год информировать Департамент о состоянии революционного движения. В документе перечислялись революционные организации, деятельность которых имела для Департамента полиции наибольшее значение: Партия социалистов-революционеров; партии анархистов-коммунистов, непримиримых и махавцев; Российская социал-демократическая рабочая партия; организация «Бунд»; Польская социалистическая партия, «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы» и партия «Пролетариат»; Латышская

социал-демократическая рабочая партия; Армянская партия революционеров-федералистов и Грузинская социально-революционная федералистическая партия «Сакартвело»; Партия активного сопротивления, организация сионистов-социалистов и «Союз освобождения» [25. Л. 376–377]. В Департамент полиции также должны были направляться отчетные записки с информацией о действующих на вверенной территории революционных организациях с указанием их руководителей и численного состава; о возможном наличии связей с революционерами из других районов; о наличии в районе «технических революционных предприятий»; о появлении преступных изданий; о мерах по предотвращению революционной деятельности и расследованию совершенных преступлений политического характера [Там же. Л. 377].

Необходимо отметить, что не все местные органы правопорядка не владели ситуацией в сфере борьбы с террором на подконтрольных им территориях. В некоторых губерниях революционная обстановка не только отслеживалась на системном уровне, но и практически полностью контролировалась местными органами политического сыска. В частности, 21 августа 1905 г., еще до направления на места вышеупомянутого Циркуляра № 10950, в Департамент полиции было направлено представление начальника Черниговского губернского жандармского управления № 6355 «О положении в губернии», из которого следовало, что жандармское руководство в пределах Черниговской губернии располагало «полной осведомленностью обо всех начинаниях преступных кружков, работа коих и парализуется в пределах возможного» [26. Л. 12–13]. В представлении подробно освещена социально-политическая обстановка в губернии, обращено внимание на тенденцию усиления противоправительственной пропаганды земскими и некоторыми другими общественными учреждениями. Также отмечалось, что по разным причинам даже в отдаленные углы губернии стало проникать «недовольство нынешним положением вещей... разжигаемое, с одной стороны, искусственно лицами, зачастую не принадлежащими ни к каким преступным партиям, а с другой – благодаря значительному проценту среди населения евреев, молодежь которых почти поголовно заряжена противоправительственными идеями» [Там же. Л. 12]. По этим причинам начальник губернского жандармского управления неоднократно просил руководство Министерства внутренних дел о необходимости учреждения в Чернигове охранного отделения, а также увеличения штата жандармского управления. Вообще из предписания следовало, что местные власти не только осведомлены о наличии в губернии конкретных партийных ячеек, но и занимались негласным наблюдением за их деятельностью с целью проведения впоследствии арестов. Действительно, 12 сентября 1905 г. помощник начальника Нежинского жандармского управления направил в Департамент полиции шифротелеграмму № 597 «О ликвидации группы террористов», в которой изложил обстоятельства ликвидации анархистской группы в г. Нежине [27. Л. 16]. Кроме того, 17 сентября 1905 г. начальник Черниговского губернского

жандармского управления направил в Департамент полиции представление № 7126 «Об обстоятельствах ликвидации нежинской группы террористов», в котором подробным образом изложил все имевшиеся обстоятельства проведенного мероприятия, а также отметил наличие общественного недовольства действиями органов правопорядка [28. Л. 24–25]. В результате 26 сентября 1905 г. в Департамент полиции было направлено представление начальника Черниговского губернского жандармского управления № 7444 «О взрыве в полицейском участке г. Нежина», согласно которому прибывшие из других городов анархисты бросили бомбу в полицейский участок города в ответ на убийство одного из представителей нежинской группы террористов [29. Л. 28–29]. Спокойствие и безопасность в одном отдельном российском городе были поставлены под угрозу, а местные органы правопорядка ввиду ограниченности в возможностях были не в состоянии противостоять террористической угрозе такого масштаба.

Расширялись также полномочия административных властей на местах: 29 ноября 1905 г. был принят указ, согласно которому генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники наделялись правом объявлять на вверенных им территориях положения усиленной или чрезвычайной охраны без соответствующего разрешения российского правительства, если его по тем или иным причинам (отсутствие телеграфной связи, почтового сообщения и т.п.) не представлялось возможным получить [14. С. 848–849]. Необходимо отметить, что местная власть пользовалась этим правом довольно часто по всей территории России за исключением Санкт-Петербурга, на который действие указа от 29 ноября 1905 г. не распространялось.

Также как и в вопросе применения Указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», до практической реализации положений Манифеста от 18 февраля 1905 г. дело не дошло. В стране наблюдалось последовательное усиление государственной реакции на террористические проявления. В частности, введение специальных административно-правовых режимов, регламентированных Положением об охране от 14 августа 1881 г., после 1905 г. значительно участилось. Так, 11 ноября 1905 г. принято Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «Об объявлении в положении усиленной охраны Тамбовской и Черниговской губерний, а также города Саратова и 5 уездов Саратовской губернии» [14. С. 802]. Согласно Положению обозначенные губернии, города и уезды должны быть оставлены в положении усиленной охраны «до завершения предписанного пунктом 5 Именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г. пересмотра исключительных законоположений» [Там же. С. 802]. Данный административно-правовой режим вводился сроком до 1 года. В 1905 г. в разное время положение усиленной охраны было введено во многих других населенных пунктах и местностях: в Варшавской, Петроковской, Калишской, Ведлецкой, Радомской, Люблинской, Сувалкской, Плоцкой, Ломжинской, Келецкой губерниях; в городах Лодзи, Эривань, Ялта, Вильно, Гродно, Мелитополь и др.

[Там же. С. 97–98, 116–117, 169–170, 290–291]. Кроме того, в июне 1905 г. действие Положения об охране было продлено сроком на три года, при этом ранее учрежденное в отдельных местностях состояние усиленной охраны также продлевалось [14. С. 561]. В этот период отдельные местности империи нередко объявлялись и на военном положении, к контролю сроков действия которого российское правительство относилось более ответственно. Военное положение отменялось незамедлительно сразу после исчезновения причин его объявления.

В целом, ввиду многочисленности нормативных правовых актов, учреждавших (отменявших) на отдельных российских территориях административно-правовые режимы или продлевавших ранее установленные, довольно проблематично отследить их реальное действие в пространстве. Проявилась проблема неоправданного увеличения массива учредительных правовых актов, фактически не несущих никакой нормативной нагрузки. Возможно, российскому правительству следовало унифицировать процедуру введения правовых режимов в России, чтобы впоследствии избежать возникавших проблем при правоприменении.

Вообще в этот период состояние дел в стране было настолько сложным и серьезным, что 24 декабря 1905 г. министерство внутренних дел было вынуждено направить губернаторам и градоначальникам секретный Циркуляр № 5795 «О передаче дел, связанных с террором, в военные суды». Этот нормативный правовой акт на основании и в дополнение к Положению об охране от 14 августа 1881 г. регламентировал порядок передачи дел о терроризме в военные суды на территориях, не входивших в генерал-губернаторства, но на которые при этом распространялось действие положения усиленной охраны [16. С. 221–222]. Основной задачей принятого циркуляра являлось снижение сроков рассмотрения дел в отношении лиц, обвинявшихся в убийстве или покушении на убийство должностных лиц.

В конце 1905 г. органы политического сыска стали уделять пристальное внимание организации охранных мероприятий на железной дороге. Специально для урегулирования этого вопроса в декабре 1905 г. был принят Указ «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах», согласно которому министр путей сообщения (в исключительных случаях – начальник железной дороги) наделялся правом принимать меры чрезвычайного характера при возникновении опасности прекращения железнодорожного сообщения или в случаях обнаружения перебоев «движения железных дорог и телеграфных на них сообщений» [14. С. 887]. В случаях появления подобной ситуации для организации процесса управления соответствующим участком железной дороги создавался комитет, который данным Указом наделялся большими полномочиями. Например, комитет получал право издавать обязательные постановления, за нарушение которых устанавливалась ответственность в виде ареста до 3-х месяцев или штрафа до 500 рублей. Кроме того, в соответствии со статьями 5 и 6 Указа этот орган наделялся правом учреждать вооруженную стражу и при

необходимости обращаться за содействием войск [Там же. С. 888]. Указ также предусматривал возможность передачи дел на гражданских лиц в военный суд в случае совершения ими преступлений на железной дороге в зоне, находящейся в состоянии чрезвычайной охраны. Жандармские офицеры при этом получали право производить на срок до двух недель предварительное задержание любых лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений, а также в любое время и в любом помещении производить обыски.

Терроризм начала XX в. оказал серьезное влияние на формирование политического курса российского правительства: именно системный террор эсеров и некоторых других революционных организаций привел к принятию нескольких важнейших правовых актов, в число которых в обязательном порядке вошел Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. [30. С. 201–202]. Ценность этого документа заключалась в том, что с его принятием российская самодержавная власть не только пошла на некоторые уступки перед революционными организациями, но и на законодательном уровне закрепила важнейшие принципы дальнейшего государственного строительства в России. В частности, Манифест предписывал «подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий», объединив для реализации поставленной цели «деятельность высшего Правительства» [14. С. 754]. Кроме того, государственная власть взяла на себя обязательство «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [Там же]. Манифест также установил необходимость привлечения к участию в деятельности Государственной думы «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав», при этом предусматривалось, что никакой закон не будет иметь юридической силы без его одобрения Государственной думой [Там же. С. 755].

В конце 1905 г. в рамках объявленной Манифестом от 17 октября 1905 г. свободы слова российское правительство обратило внимание на необходимость урегулирования деятельности периодической печати в России. В этой связи 24 ноября 1905 г., ввиду отсут-

ствия закона о печати и вплоть до его принятия, Правительствующим Сенатом были приняты «Временные правила о повременных изданиях», которые отменили как предварительную (общую и духовную) цензуру повременных изданий, выходящих в городах империи, так и правила о залогах для них [14. С. 837–840]. Цензура периодических изданий, выходящих вне городов, сохранилась и осуществлялась в ранее установленном порядке. Также Раздел V Временных правил отменил действие статьи 140 Устава о цензуре и печати, которая наделяла министра внутренних дел правом запрета на опубликование в печати любых сведений государственной важности. Временные правила также внесли существенные изменения в Устав о цензуре в части, касавшейся порядка организации периодической печати. Кроме того, Раздел VIII устанавливал исключительно судебный порядок определения меры юридической ответственности за преступные деяния, совершенные «путем печатного слова». В частности, механизм борьбы с террором в России был дополнен нормативными положениями, которые устанавливали ответственность в форме тюремного заключения на срок от 8 до 16 месяцев за возбуждение в периодическом издании «к устройству или продолжению стачки... или самовольному, по соглашению между рабочими, прекращению, приостановлению или невозобновлению работы на железной дороге, телеграфе или телефоне общего пользования или вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности которого угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия» [Там же. С. 839]. Аналогичное наказание было предусмотрено и за призыв к прекращению или приостановлению осуществления служебных обязанностей служащими правительственных учреждений.

Таким образом, даже в условиях низкого уровня нормативности содержащихся в Манифесте правовых предписаний при их явном формальном и декларативном характере следует констатировать тот факт, что революционный террор частично достиг своей цели. Именно под давлением революционного сообщества государственная власть пошла на принятие несвойственного ей нормативного правового акта, который, правда, впоследствии так и не был реализован на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 576 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1960. Т. 11 (июль – октябрь 1905 г.). 590 с.
3. Боевая группа при ЦК РСДРП (б) (1905–1907): статьи и воспоминания / сост. С.М. Познер. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 284 с.
4. Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. 12, № 1. P. 43–63.
5. Fleming M. Propaganda by the Deed: Terrorism and Anarchist Theory in Late Nineteenth-Century Europe // *Terrorism: An International Journal*. (N.Y.). 1980. Vol. 4, № 1. P. 1–23.
6. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М. : Наука, 1987. 322 с.
7. Кривенький В.В. Анархисты // *Политические партии России: история и современность*. М. : РОССПЭН, 2000. С. 210–226.
8. Кропоткин П.А. Записки революционера. М. : Московский рабочий, 1966. 544 с.
9. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Петербург-Москва : Книгоиздательство «Голос Труда», 1921. 361 с.
10. Об актах личного и коллективного протеста // Листок «Хлеба и воли». 1906. № 1. С. 7–8.
11. Кропоткин П.А. Этика. М. : Политиздат, 1991. 496 с.
12. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 1.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913) : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 25.

15. Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe* / Edited by Wolfgang J. Mommsen & Gerhard Hirschfeld. London : Palgrave Macmillan, 1982. P. 63–79.
16. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. документов / под ред. Г.А. Бордюгова. М. : АИРО-XX, 2001. 520 с.
17. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. 3-е изд., пересмотр. и доп. на 1 сентября 1908 г. / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», Типография А.Г. Розена, 1909. 1026 с.
18. Письмо губернского гласного Полтавского земства В.И. Мезенцова, адресованное С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 57. Л. 73.
19. Представление начальника Виленского охранного отделения № 158 директору Департамента полиции «О террористических планах членов «БУНДА» от 9 февраля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1735. Л. 3–3 (об.).
20. Записка «О проблемах работы Минского губернского жандармского управления» от 5 апреля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1735. Л. 13.
21. Представление начальника Виленского охранного отделения № 962 директору Департамента полиции «О формировании социал-демократической террористической организации» от 16 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1735. Л. 24.
22. Ходатайство Департамента полиции на имя товарища министра внутренних дел и командира Корпуса жандармов К.Н. Рыдзевского «О выдаче из секретных сумм Департамента денежной награды филерам, принимавшим участие в наблюдении за группой террористов» от 19 марта 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 80. Ч. 19. Л. 33.
23. Представление Петербургского охранного отделения № 5313 начальнику Санкт-Петербургского губернского жандармского управления «О ликвидации БО ПСР» от 23 марта 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 80. Ч. 19. Л. 38–40.
24. Представление Санкт-петербургского генерал-губернатора № 392 товарищу министра внутренних дел и командиру Корпуса жандармов К.Н. Рыдзевскому «Об организации на юге России Боевой группы партии социалистов-революционеров» от 12 апреля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 80. Ч. 19. Л. 53–54.
25. Циркуляр Департамента полиции № 10950 начальникам губернских и областных жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов «О регулярном предоставлении Особому отделу отчетов о деятельности революционных партий» от 24 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 13. Л. 376–377 (об.).
26. Представление начальника Черниговского ГЖУ № 6355 в Департамент полиции «О положении в губернии» от 21 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1938. Л. 12–13.
27. Шифртелеграмма помощника начальника Нежинского жандармского управления № 597 в Департамент полиции «О ликвидации группы террористов» от 12 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1938. Л. 16.
28. Представление начальника Черниговского ГЖУ № 7126 в Департамент полиции «Об обстоятельствах ликвидации нежинской группы террористов» от 17 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1938. Л. 24–25.
29. Представление начальника Черниговского ГЖУ № 7444 в Департамент полиции «О взрыве в полицейском участке г. Нежина» от 26 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1938. Л. 28–29.
30. Хрестоматия : документы по истории государственного управления в России. М. : Этносоциум, 2014. 494 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 ноября 2018 г.

LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST TERROR IN RUSSIA IN 1905

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 218–225.

DOI: 10.17223/15617793/437/31

Mikhail B. Kolotkov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: terror; terrorism; public order; ideology of terrorism; revolutionary activity; anarchism.

The article is devoted to the study of the legal basis of fighting against terrorism in Russia in 1905. The article focuses on the procedure of changing the terrorist ideology in the country, as well as on the organizational design of anarchism, an independent revolutionary movement of terrorist nature new for the Russian state. The article notes that in 1905, as part of the transition from theoretical thinking about terror to action, the Russian society desacralized the power by repudiating the “divinity” of the royal person and the authority of the monarchic power as a whole. At the same time, the efficiency and effectiveness of terror gradually changed the consciousness of the Russian society, and the ideas of compulsion and expediency of the use of terror faded into the background. Attention is drawn to the fact that it was after the events of January 9, 1905, that all terrorist groups existing in Russia intensified their activities. Almost immediately, the problem of revolutionary groups’ turn from individual to mass terror became very important. Since January 1905, the number of terrorist acts increased more than tenfold, and terror itself became non-systemic and decentralized. In such difficult conditions, the bodies of political investigation continued to carry out systemic work to suppress the terrorist activities of revolutionary groups in Russia. By the middle of 1905, the Russian bodies of political investigation faced with a new problem in their work: the rapid development of anti-government activities, expressed in the emergence of a large number of revolutionary cells and political parties which functioned independently from each other in accordance with their individual programs. It is noted that the country saw a consistent strengthening of the state response to terrorist acts. In particular, the introduction of special administrative and legal regimes, regulated by the Provision on Security of August 14, 1881, increased significantly after 1905. The article concludes that the terrorism of the beginning of the 20th century had a serious impact on the formation of the political course of the Russian government: it is the systemic terror of the SRs and some other revolutionary organizations that led to the adoption of several important normative legal acts, for example, the Manifesto of October 17, 1905; with their adoption, the Russian autocratic power not only made some concessions to revolutionary organizations, but also secured the most important principles of further state building in Russia at the legislative level.

REFERENCES

1. Budnitskiy, O.V. (1996) *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografiyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in documents, biographies, studies]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Lenin, V.I. (1960) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 11. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
3. Pozner, S.M. (1927) *Boevaya gruppa pri TsK RSDRP (b) (1905–1907): stat’i i vospominaniya* [Fighting group under the Central Committee of the RSDLP (B) (1905–1907): articles and memoirs]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.

4. Iviansky, Z. (1977) Individual Terror: Concept and Typology. *Journal of Contemporary History*. 12(1). pp. 43–63.
5. Fleming, M. (1980) Propaganda by the Deed: Terrorism and Anarchist Theory in Late Nineteenth-Century Europe. *Terrorism: An International Journal* (N.Y.). 4(1). pp. 1–23.
6. Vityuk, V.V. & Efirov, S.A. (1987) “Levyjy” *terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost’* [“Left” terrorism in the West: history and modernity]. Moscow: Nauka.
7. Kriven’kiy, V.V. (2000) Anarkhisty [Anarchists]. In: Sviridenko, Yu.P. & Shelokhaev, V.V. (eds) *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost’* [Political Parties of Russia: Past and Present]. Moscow: ROSSPEN.
8. Kropotkin, P.A. (1966) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
9. Kropotkin, P.A. (1921) *Rechi buntovshchika* [Speeches of a rebel]. Petersburg; Moscow: Knigoizdatel’stvo “Golos Truda”.
10. Listok “Khleba i voli”. (1906) Ob aktakh lichnogo i kollektivnogo protesta [On acts of personal and collective protest]. *Listok “Khleba i voli”*. 1. pp. 7–8.
11. Kropotkin, P.A. (1991) *Etika* [Ethics]. Moscow: Politizdat.
12. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel’nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5802. List 2. File 1. (In Russian).
14. Russian Empire. (1885–1916) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret’e (1881–1913): v 33 t.* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Three (1881–1913): in 33 vols]. Vol. 25. St. Petersburg: Gos. tip.
15. Perrie, M. (1982) Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914. In: Wolfgang, J. & Hirschfeld, G. (eds) *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe*. London: Palgrave Macmillan.
16. Bordyugov, G.A. (2001) *Politicheskaya politsiya i politicheskii terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sb. dokumentov* [Political police and political terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries): documents]. Moscow: AIRO-XX.
17. Lazarevskiy, N.I. (ed.) (1909) *Zakonodatel’nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg.* [Legislative acts of transitional time. 1904–1908]. 3rd ed. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo”, Tipografiya A.G. Rozena.
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. Kantselyariya Soveta ministrov [Office of the Council of Ministers]. List 1. File 57. P. 73. *Pis’mo gubernskogo glasnogo Poltavskogo zemstva V.I. Mezentsova, adresovannoe S.Yu. Vitte* [Letter from the provincial member of the town council of the Poltava Zemstvo V.I. Mezentsova, addressed to S.Yu. Vitte].
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1735. P. 3–3 (rev.). *Predstavlenie nachal’nika Vilenskogo okhrannogo otdeleniya № 158 direktoru Departamenta politzii “O terroristicheskikh planakh chlenov “BUNDA” ot 9 fevralya 1905 g.”* [Report of the head of Vilna Security Department No. 158 to the Director of the Police Department “On the terrorist plans of the BUNDA members of February 9, 1905”].
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1735. P. 13. *Zapiska “O problemakh raboty Minskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya” ot 5 aprelya 1905 g.* [Note “On the problems of the work of the Minsk Provincial Gendarme Department” of April 5, 1905].
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1735. P. 24. *Predstavlenie nachal’nika Vilenskogo okhrannogo otdeleniya № 962 direktoru Departamenta politzii “O formirovani sotsial-demokraticeskoy terroristicheskoy organizatsii” ot 16 sentyabrya 1905 g.* [Report of the Head of Vilna Security Department No. 962 to the Director of the Police Department “On the Formation of a Social-Democratic Terrorist Organization” of September 16, 1905].
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 80. Pt. 19. P. 33. *Khodataystvo Departamenta politzii na imya tovarishcha ministra vnutrennikh del i komandira Korpusa zhandarmov K.N. Rydzhevskogo “O vydache iz sekretnykh summ Departamenta denezhnoy nagrody fileram, primivavshim uchastie v nablyudenii za gruppy terroristov” ot 19 marta 1905 g.* [The petition of the Police Department addressed to Minister of the Interior and Commander of the Gendarme Corps K.N. Rydzhevskiy “On giving secret sums of the department for the monetary reward of field surveillance agents that took part in the observation of a group of terrorists” of March 19, 1905].
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 80. Pt. 19. P. 38–40. *Predstavlenie Peterburgskogo okhrannogo otdeleniya № 5313 nachal’niku Sankt-Peterburgskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya “O likvidatsii BO PSR” ot 23 marta 1905 g.* [Report of St. Petersburg Security Department No. 5313 to the Chief of the St. Petersburg Provincial Gendarme Office “On the Elimination of SR Combat Organization” of March 23, 1905].
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 80. Pt. 19. P. 53–54. *Predstavlenie Sankt-peterburgskogo general-gubernatora № 392 tovarishchu ministra vnutrennikh del i komandiru Korpusa zhandarmov K.N. Rydzhevskomu “Ob organizatsii na yuge Rossii Boevoy gruppy partii sotsialistov-revolutsionerov” ot 12 aprelya 1905 g.* [Report of St. Petersburg Governor General No. 392 to Minister of the Interior and Commander of the Gendarme Corps K.N. Rydzhevskiy “On the organization in the south of Russia of the Combat Group of the Socialist Revolutionary Party” of April 12, 1905].
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 260. File 13. P. 376–377 (rev.). *Tsirkulyar Departamenta politzii № 10950 nachal’nikam gubernskikh i oblastnykh zhandarmskikh upravleniy, okhrannykh otdeleniy i rozysknykh punktov “O regulyarnom predostavlenii Osobomu otdelu otchetov o deyatelnosti revolyutsionnykh partiy” ot 24 avgusta 1905 g.* [A circular letter of Police Department No. 10950 to the heads of provincial and regional gendarme departments, security departments and search points “On the regular submission of reports on the activities of revolutionary parties to the Special Department” of August 24, 1905].
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1938. P. 12–13. *Predstavlenie nachal’nika Chernigovskogo GZhU № 6355 v Departament politzii “O polozenii v gubernii” ot 21 avgusta 1905 g.* [Report of the Head of Chernigov Provincial Gendarme Department No. 6355 to the Police Department “On the situation in the province” of August 21, 1905].
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1938. P. 16. *Shifrtelogramma pomoshchnika nachal’nika Nezhinskogo zhandarmskogo upravleniya № 597 v Departament politzii “O likvidatsii gruppy terroristov” ot 12 sentyabrya 1905 g.* [A cryptogram of the assistant to the chief of Nezhin Gendarme Department No. 597 to the Police Department “On the liquidation of a group of terrorists” of September 12, 1905].
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1938. P. 24–25. *Predstavlenie nachal’nika Chernigovskogo GZhU № 7126 v Departament politzii “Ob obstoyatel’stvakh likvidatsii nezhinskoy gruppy terroristov” ot 17 sentyabrya 1905 g.* [Report of the Head of Chernigov Provincial Gendarme Department No. 7126 to the Police Department “On the circumstances of the liquidation of the Nezhin group of terrorists” of September 17, 1905].
29. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 5. File 1938. P. 28–29. *Predstavlenie nachal’nika Chernigovskogo GZhU № 7444 v Departament politzii “O vzyrye v politseyskom uchastke g. Nezhina” ot 26 sentyabrya 1905 g.* [Report of the Head of Chernigov Provincial Gendarme Department No. 7444 to the Police Department “On the explosion at the police station in Nezhin” of September 26, 1905].
30. Pikhoya, R.G. (ed.) (2014) *Khrestomatiya: dokumenty po istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [Anthology: documents on the history of public administration in Russia]. Moscow: Etnosotsium.

Received: 08 November 2018